

СТРУКТУРА И СИМВОЛИКА ДЕКОРА НОЖЕН СКИФСКИХ МЕЧЕЙ V – IV ВВ. ДО Н.Э.

Ножны, как специальный футляр, защищающий тело от острого клинка ножа или кинжала, появились, как минимум, в эпоху поздней бронзы¹. Элементы ножен кинжалов найдены в предскифских комплексах, где они зафиксированны как по незначительным фрагментам, оставшимся от деревянных ножен, обтянутых кожей, так и по металлическим частям².

Вполне возможно, что в скифское время все кинжалы и мечи носились в ножнах. Ножны были преимущественно деревянными, обтянутыми кожей (редко – материей)³. Иногда такие ножны покрывали красной краской, полностью или полосами, что было характерно прежде всего для восточных регионов скифского мира⁴. И только в относительно немногих случаях известны находки металлических или, реже, костяных обкладок, пластин или наконечников, которые украшали ножны, повышая их функциональную, социальную и культовую значимость. Именно эти находки, в силу их большей сохранности, позволяют говорить о видоизменении формы и декора ножен, делать предположения об их символике и культовой роли.

Самыми ранними из скифских являются золотые двусторонние обкладки ножен из Мельгуновского и Келермесского № 1/Ш курганов⁵. Их форма повторяет и даже подчеркивает форму меча, дополняя его важной деталью – массивным наконечником полуовальной (подтреугольной) формы, что также характерно для иранской традиции ахеменидского времени⁶. По всей видимости, можно говорить об общей изначальной традиции, появившейся в период тесных контактов кочевников юга Восточной Европы с иранцами (мидийцами и персами) Передней Азии⁷.

В скифологии много внимания уделено общей культовой роли меча, кумира скифского Ареса⁸. Было отмечено соотношение меча в ритуале и мифе с образом “мирового дерева”, что, в частности, отчетливо выражено в декоре как мечей, так и их ножен, прежде всего из Келермеса и Мельгуновского кургана.

Символика меча в скифской традиции имела и еще одно значение. Д.А. Мачинский предположил, что меч-акинак “и по

оформлению ножен, и по способу ношения ассоциировался в сознании скифов с мотивом фаллоса”⁹. А.Ю. Алексеев высказал возможность соотнесения с фаллосом определенных типов скифских мечей – прежде всего с почковидным (восьмерко- и сердцевидным) перекрестием, имеющих характерную морфологию. Данное предположение основывается на соответствии контура меча схеме изображения фаллоса на каменных изваяниях. Косвенными свидетельствами могут служить воспроизведение мечей и фаллосов на изваяниях рядом, а также возможная связь с плодородием самого скифского Ареса, кумиром которого и являлся меч¹⁰. Дополнительные аргументы связи фаллоса и меча в символике скифских изваяний привел Д.С. Раевский¹¹.

Данная точка зрения на символику скифского меча была критически проанализирована А.В. Шелеханем. Автор выступил против возможности считать фаллос прототипом формы скифского меча и на основании этого делать какие-либо типологические построения¹². В то же время, А.В. Шелехань признает, что “графическое изображение некоторых кинжалов действительно похоже на фаллос”¹³, т.е. фактически принимает изначальный посыл в семантических построениях А.Ю. Алексева. На наш взгляд, этот момент является определяющим. Действительно, вряд ли возможно говорить, что некий мифологический образ или символ стали отправной точкой в появлении и эволюции скифского клинкового оружия. Скорее всего, военная, технологическая и ритуально-мифологическая составляющие этого процесса развивались параллельно, постоянно дополняя друг друга. И если первые две из них можно изучить относительно детально по имеющимся археологическим данным, то третья составляющая реконструируется лишь гипотетически по совокупности косвенных данных. Существующие типологии скифского клинкового оружия, на наш взгляд, говорят о том, что все многообразие типов перекрестий (по А.И. Мелюковой – 11 типов¹⁴), как главного выразительного элемента этих изделий, развивалось в пределах единой парадигмы. Типологическая схема А.Ю. Алексева¹⁵ – один из вероятных вариантов ее выражения. И то, что некоторые из типов как символы имеют визуальное сходство с изображением-символом фаллоса, позволяет использовать их как ключ для объяснения всей парадигмы. Напомним, что знак лишь в отдельных ситуациях является точным визуальным воспроизведением своего прототипа

(иконический знак). Чаще всего эта связь непрямая и опосредованная, устанавливающаяся, как правило, конвенционально (знаки-индексы и знаки-символы)¹⁶. Тем более, что в данном случае (если мы принимаем гипотезу А.Ю. Алексеева) скифский меч (кинжал) является не воспроизведением фаллоса как анатомического органа, а зримым воплощением некоей идеи (атрибута или образа), имеющей фаллическую природу. И то, что в какой-то ситуации (в случае с изображениями на изваяниях) это зримое воплощение приобретает бесспорное подобие, по нашему мнению, является подтверждением верности исследовательской гипотезы.

Еще одним косвенным аргументом в пользу мнения А.Ю. Алексеева и Д.С. Раевского может служить то, что меч и изваяние были семантически равнозначными кумирами в скифской культовой практике, играя одинаковую роль (увенчивание пирамидального или кургановидного святилища), выполняющая общую функцию (моделирующая, символ “мирового древа” и мировой оси и т.п.) и, вероятно, являясь предметным выражением одного и того же мифологического персонажа¹⁷. В то же время, фаллическая символика скифских изваяний, выраженная как в общей форме, так и в изображенных атрибутах, достаточно очевидна¹⁸. Дополнительным аргументом может служить тот факт, что не только меч, но и другие виды вооружения имели фаллическую и шире – мужскую сексуальную, символику, так же являясь, при этом, атрибутами бога войны и грозы, того же скифского Ареса¹⁹. В первую очередь это касается копий. И в связи с этим показательной является находка наконечника копья в погребении сарматского времени (погр. 8 кург. 1 могильника Незлобненский-5 на Ставрополье), лежавшего на лобковых костях погребенного, тем самым, вероятно, имитируя фаллос²⁰. Не случайно по сегодняшний день именно меч и копье являются эвфемизмами названия мужского полового органа²¹.

Таким образом, принимая и поддерживая мнение по поводу фаллической символики скифского клинкового оружия, отметим, что раннескифские ножны²², подчеркивающие и дополняющие структуру меча, также соответствовали этой символике²³. Ранние ножны с полуовальной (подтреугольной) бутеролью келермесского и ахеменидского (т.е. фактически общеиранского) типа еще более усиливают визуальное соотношение меча и фаллоса. А.И. Мелюкова предполагала, что

расширение на конце ножен служило для привязывания ножен к ноге²⁴. Но если это и справедливо для персов (данный способ ношения зафиксирован в изобразительных материалах), то вряд ли применимо к скифам. Скорее всего, расширенный наконечник имел именно символическое, а не функциональное значение. Характерно, что подобная форма ножен, известная как по археологическим находкам, так и по изображениям на стелах, в той или иной степени бытовала весь скифский период²⁵ и продолжала существовать в сарматское время²⁶.

Оформление и соответствующая ему символика ножен претерпевают существенные изменения в V–IV вв. до н.э.

Фактически “открывают” новую серию скифских ножен золотые обкладки ножен меча из кург. 1 из раскопок 1910 г. А.А. Миллера у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону²⁷ (рис. 1, 1). Они имеют уникальную лопастевидную форму, которая не могла отражать форму клинка меча, поскольку наиболее узкое место находится на устье. По своему характеру это наиболее ранние из известных ножен, куда входил только клинок, в отличие от ножен VII–VI вв. до н.э., полностью или частично перекрывавших также и перекрестье меча (кинжала). Главным новшеством в декоре является размещение в верхней части обкладок двух противоположенных голов хищных птиц (грифонов), под клювами которых изображена пальметка. Такая композиция маркирует устье ножен. Данный элемент становится обязательным для всех последующих обкладок ножен. В целом же пластина елизаветовских обкладок разделена на 3 части орнаментальными полосками. Из них в средней части размещена сцена терзания змеи драконовидным существом, сочетающем в себе черты хищной птицы, хищного зверя и рыбы. И это существо, и сцена в целом являются уникальными в искусстве Северного Причерноморья. Появление в декоре ножен сцены терзания является новшеством, неизвестным в предшествующей традиции. В то же время, разбивка ножен на три части (устье, среднюю часть, заполненную изображениями животных, и наконечник) является архаичным элементом, характерным для ножен второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. Боковой подпрямоугольный выступ полностью заполняет изображение головы оленя с частью шеи и ветвистыми рогами, выполненными в стиле “зооморфных превращений”.

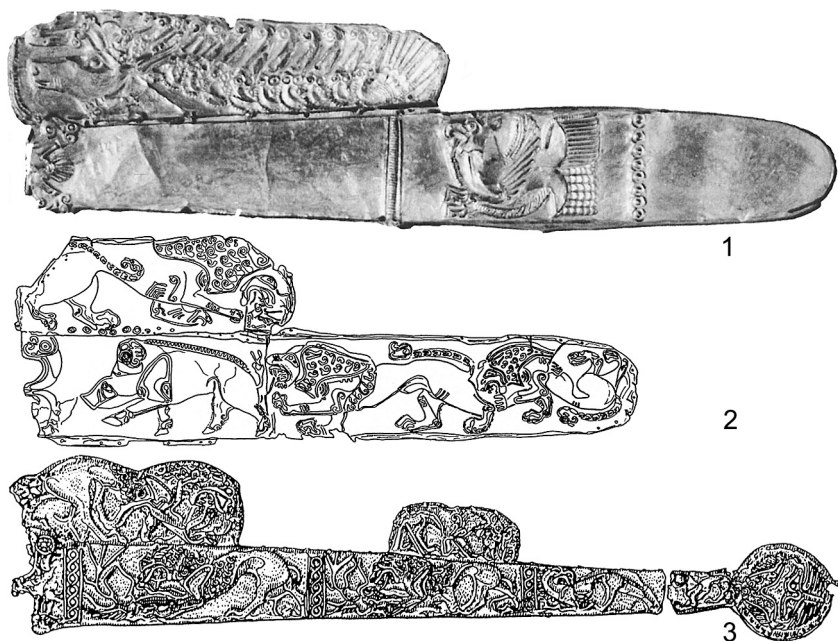

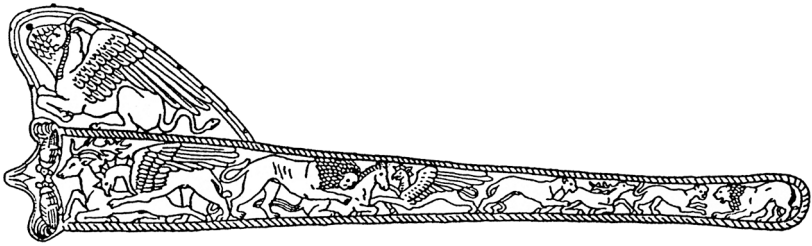
Рис. 1. 1 – кург. 1 (раскопки 1910 г. А.А. Миллера) у ст. Елизаветовской, Нижний Дон; 2 – кург. 16 Ушаковский (раскопки 1901 г. И.И. Ушакова) у ст. Елизетовской, Нижний Дон; 3 – боковая гробница, курган Солоха, степное Приднeпровье.

Развитие главных принципов новой традиции в декоре ножен демонстрирует золотая накладка V в. до н.э. из кургана 16 из раскопок 1901 г. И.И. Ушакова (Ушаковский курган) той же группы у ст. Елизетовской²⁸ (рис. 1, 2). Ножны короткие, имеют параллельные боковые стороны и закругленный низ. Головы птиц на устье (по сравнению с предыдущей пластиной) развернуты наружу, их соединяющиеся друг с другом клювы направлены вовне пластины, образуя небольшой центральный выступ. Не исключено, что такая форма устья, характерная для всех последующих ножен, была обусловлена формой нижнего края перекрестия²⁹. Основное поле пластины полностью заполнено тремя фигурами животных: кабана, нападающего на него сзади льва и второго льва с перекрученным на 180° туловищем. Это отражает закономерный этап в развитии орнаментации ножен, которое в V–IV вв. до н.э. шло в направлении все большего заполнения поверхности изображениями животных³⁰. На подпрямоугольном боковом выступе изображен лев, терзающий добычу.

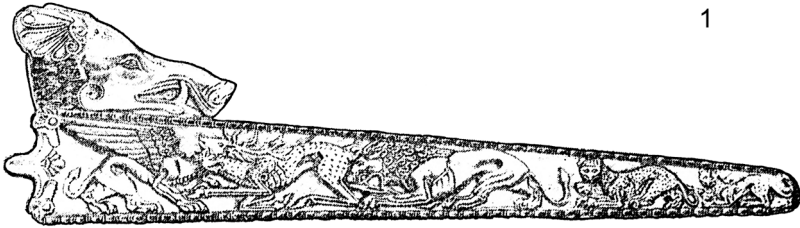
Близкими по композициям и стилистике оформления является обкладка ножен из боковой гробницы (скелет “В”) кургана Солоха в степном Приднепровье³¹ (рис. 1, 3), комплекс которой датируется в пределах первой четверти IV в. до н.э.³², хотя меч и его ножны относятся, вероятно, к более раннему времени³³. Ножны со сходящимися книзу сторонами. Устье декорировано аналогично расположенными, но поданными более стилизовано, головами хищных птиц. Вся пластина также разделена орнаментальными полосками на три части. В первых двух изображен лев, терзающий голову оленя, в третьей, нижней, – полуфантастический хищник с задними лапами в позиции шага и повернутой назад головой и за ним еще один хищник (пантера?). Ножны заканчиваются круглым выступом, на котором в анфас изображена стилизованная морда льва (по А.И. Мелюковой, медуза-горгона³⁴). Ножны имеют два подпрямоугольных боковых выступа, что, возможно, связано с особенностью крепления ножен на поясе³⁵. На верхнем выступе лев терзает какое-то хищное животное, а на среднем – жертвой льва является человек. Последний сюжет является достаточно редким в скифском искусстве. Он представлен еще на бляшках V в. до н.э. из бокового погребения кургана 5 у с. Архангельская Слобода в степном Приднепровье, некоторых фракийских изделиях и, возможно, на конском наноснике из кургана 1 некрополя II Тенгинского городища в Прикубанье³⁶.

Возможно, деревянные ножны солохского типа, т.е. с округлым наконечником, происходят из погребения 1 кургана 1 у пос. Сулицкого и погребения 2 кургана 19/20 группы II на Никопольском курганном поле (Степное Поднепровье), о чем свидетельствуют полуовальная железная пластина, в одном случае, и остатки железных оковок, прикипевшие к острию меча, во втором³⁷.

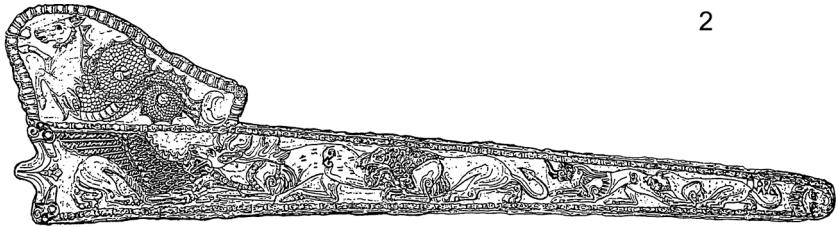
На четырех золотых обкладках ножен IV в. до н.э., со сходящимися книзу сторонами, также представлены сцены терзания. Это изделия из приднепровских курганов Толстая Могила³⁸ (рис. 2, 1), кургана 30 у с. Великая Белозерка³⁹ (рис. 2, 2), крымского кургана Куль-Оба⁴⁰ (рис. 2, 3) и кургана 10 из раскопок 1910 г. А.А. Миллера у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону⁴¹ (рис. 2, 4). Обкладки из Толстой Могилы и, возможно, Елизаветовской имеют небольшое округлое расширение на конце.

1

2

3

4

Рис. 2. 1 – курган Толстая Могила, степное Приднепровье; 2 – курган 30 у с. Великая Белозерка, степное Приднепровье; 3 – курган Куль-Оба, Крым; 4 – кург. 10 (раскопки 1910 г. А.А. Миллера) у ст. Елизаветовской, Нижний Дон.

Во всех случаях край пластины декорирован рельефным орнаментом, который на ножнах из Толстой Могилы имеет вид веревочки. Устье имеет центральный выступ; в двух случаях здесь воспроизведены головы хищных птиц (Великая Белозерка, Куль-Оба), в одном – петухи (Толстая Могила), елизаветовс-

кая пластина в этой части разрушена. В центральной части обкладок изображены сцены терзания – одна (лев и грифон напали на оленя: Великая Белозерка, Куль-Оба; два льва напали на оленя: Елизаветовская) или две (грифон напал на оленя, лев и грифон – на коня: Толстая Могила). В нижней части изображены: два хищника, либо следующие друг за другом (Великая Белозерка), либо противостоящие (Толстая Могила); сцена нападения львицы на фантастическое копытное (единорога?) и на конце – морда льва анфас (Куль-Оба). На боковых выступах воспроизведено какое-то одно животное: голова кабана (Великая Белозерка), олень (Елизаветовка), гиппокамп (Куль-Оба), львиноголовый рогатый грифон, хвост которого оканчивается головой змеи (Толстая Могила).

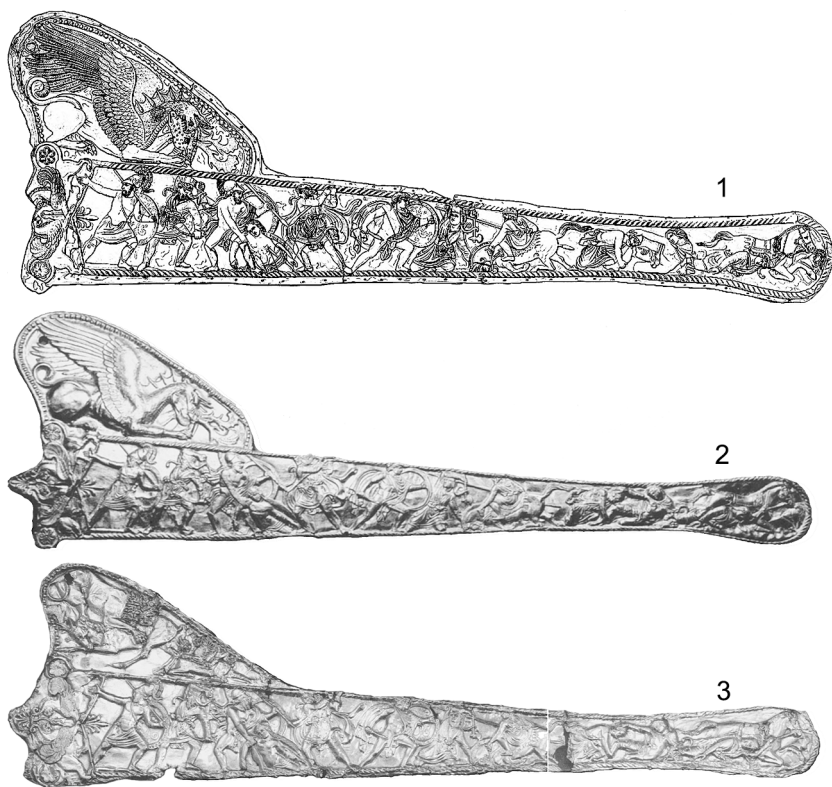

Рис. 3. 1 – центральная гробница, курган Чертомлык, степное Приднепровье; 2 – кург. 8 группы Пять Братьев, Нижний Дон; 3 – Metropolitan Museum of Art ("курган Чайн", Крым).

Еще три обкладки ножен IV в. до н.э. связаны с антропоморфными изображениями. Это находки в камере № 5 центральной гробницы кургана Чертомлык в степном Поднепровье⁴² (рис. 3, 1), курган 8 группы Пять Братьев на Нижнем Дону⁴³ (рис. 3, 2) и обкладка из Музея Метрополитен, возможно происходящая из крымского “кургана Чайя”⁴⁴ (рис. 3, 3). Они имеют сходящиеся книзу стороны и округлое расширение на конце; боковые выступы подтреугольной формы. Устье – с центральным выступом. У устья изображены стоящие напротив друг друга грифоны с поднятой одной передней лапой (левая лапа одного и правая – другого, которыми они соприкасаются); вторые передние лапы пересекаются. Под фигурами грифонов воспроизведен рельефный валик, отграничивающий зону устья. Под валиком, прямо под лапами грифонов изображена пальметка; такая же пальметка – над лапами грифонов (по В.П. Шилову, животные “держат ветвь пальмы, завершающуюся сверху и снизу пальметками”⁴⁵). Внешний контур обкладки от устья обрамлен рельефным орнаментом в виде веревочки. Все поле внутри контура заполнено батальными сценами противостояния греков и варваров⁴⁶. На боковом выступе воспроизведена сцена терзания грифоном головы оленя (Чертомлык, Пятибратний) или сцена терзания львом оленя и львиноголовым рогатым грифоном оленя (лани) (Чаян).

При некоторой разнице в оформлении ножен V–IV вв. до н.э. прослеживаются определенные закономерности. С одной стороны, можно проследить действенность прежних, более архаичных мифологических парадигм, в соответствии с которыми определялся декор, а с другой, отметить появление новых. К первым можно отнести сохранение символов и образов, соотносимых с “мировым деревом” – это противопоставленные существа, между которыми обязательно присутствует пальметка, а также возможное сохранение фаллической символики, выраженной, в частности в расширенной форме нижней части ножен⁴⁷.

Однако новшеств в оформлении ножен на этом этапе гораздо больше, что, на наш взгляд, было связано со значительной сменой мифологических идей, вкладываемых в оформление этих изделий. Ножны начали сопоставляться только с клинком меча, собственно со смертоносной частью этого оружия. Характерно, что в древности рана от меча считалась самой сильной⁴⁸. Возможно, именно с этим связано оформление

окончания ножен в виде оскаленной морды или головы хищника. Это изображения морды льва на золотых обкладках из Солохи и Куль-Обы (рис. 1, 3; 2, 3), а также изображения головы или целой фигуры волка также с оскаленной пастью на серии наконечников ножен из Прикубанья (разрушенное погребение у ст. Старокорсунской⁴⁹), Ставрополя (курган 17 могильника Новозаведенное-II⁵⁰) и Кавказского региона (Белореченский могильник, из находок у с. Советское, с. Шали и с. Сунжа⁵¹). Хищники в представлениях древнего человека уже сами по себе выступали метафорой, символом смерти⁵². Во многих индоевропейских языках слова “леопард”, “волк” и т.п. эвфемистически обозначаются как “убийца”⁵³.

Главной же темой декорирования ножен становится тема борьбы, сражения и смерти, выражаемая в сценах битв и терзания. По мнению Е.Е. Кузьминой, концепция борьбы противоположных сил в природе и обществе лежала в основе космогонии и космологии индоиранцев, в частности скифов⁵⁴. Эта борьба в композициях на ножнах воплощается в противостоянии греков и варваров, хищников и их жертв. Благодаря окантовке воспроизводимые композиции как бы ограждаются от окружающего мира, замыкаются в себе. Это мир Смерти и торжества животных ее представляющих – различных хищников. Вход в этот мир со стороны устья надежно охраняется существами-стражниками: хищными птицами, грифонами, петухами. Но в то же время следует учитывать, что в скифской мифопоэтической традиции сцены терзания имели значение жертвенной смерти, смерти во имя возрождения и жизни⁵⁵. Объекты нападения и терзания – олень, конь, кабан – довольно часто выступают в такой роли как на предметах скифогреческого искусства, так и в ритуальной практике, известной, в частности, по находкам в кургане Толстая Могила⁵⁶. Высшей же жертвой выступает человек, что представлено и в сценах терзания (Солоха), и в сценах битвы (Чертомлык, Пятибратний, Чайн). Жертвенная смерть и хищники, ее представляющие, были связаны с божествами подземного мира, амбивалентными по своей природе, поскольку соединяли в себе идеи как смерти, так и жизни. В первую очередь таковыми были женские божества⁵⁷. Тем самым женское начало, умерщвляющее и порождающее одновременно, в декоре меча и ножен противостоит мужскому. Последнее

выражается в декоре самих мечей (см., например, декор меча из Чертомлыка, навершие которого увенчивают головы быков, а на рукояти изображены сцены охоты⁵⁸), оформлении боковых выступов, где продолжали размещаться животные, связанные с богом войны, концентрировано выражающие мужское начало, – олень и вепрь, а также в тематике сцен терзания, где объектами нападения становятся как те же “мужские” животные – кабан, олень, конь, так и сам человек (мужчина). В отношении последнего момента характерным является декор костяных ножен из комплекса Тахти-Сангин, бактрийского храма Окса: основное поле ножен занято большой фигурой тигра, который как бы держит в передних лапах оленя, изображенного на боковом выступе⁵⁹.

С женской плодородной сферой напрямую связан и растительный орнамент, украшавший некоторые из ножен IV в. до н.э. Так серебряная оковка конца ножен с растительным орнаментом происходит из кургана 11 могильника Частые курганы на Среднем Дону⁶⁰. Ножны воина, воспроизведенного на золотом гребне из Солохи, декорированы волотами, напоминающем побеги растения⁶¹. А на мече или, вероятнее, его ножнах, изображенных на чаше из Гаймановой Могилы⁶² выгравирован орнамент в виде “бегущей волны”, также близкий к растительному. Кожаные ножны с вышитым орнаментом в виде сложных завитков происходят из восточных регионов скифского мира – из могилы 2Б кургана 3 у Сарагашенского оз. в Минусинском крае⁶³.

Прослеживаемая в декоре связь ножен с “женской” мифологической сферой, на наш взгляд, нашла отражение в языковых терминах. Например, в словаре русского языка В.И. Даля слово ножны обозначается как “влагалище для ножа, кинжала, сабли, шпаги”⁶⁴, где “влагалище – вместилище; вещь, служащая для вмещения в нее другой; мешок, кошелка; чахол, ножны, футляр”⁶⁵. Аналогичным образом в значительной части индоевропейских языков ножны и женский половой орган (влагалище) называются одним и тем же словом⁶⁶: иранский⁶⁷: [джәфәйн], [чәх], [гәлаф, гәлаф] – [гәлаф, гәлаф], [mäһbäl]; украинский: *nixvi* – *nixva*; белорусский: *ножны* – *похву*; польский: *pochwa* – *pochwa*; чешский: *pochva* – *pochva, vagina*; словацкий: *pošva* – *pochva, vagina*; словенский: *požnica* – *vagina, požnice*; латынь: *vagina, vaginam* – *vagina*; итальянский: *fodero*,

guaina – guaina, vagina; испанский: *vaina, funda – vaina*; французский: *gaine, fourreau – gaine, vagin*; английский: *scabbard, sheath – vagina, sheath*; немецкий: *Scheide – Scheide, Vagina*; шведский: *skidan – slidan*; норвежский: *balg, skjede, slir – skjede*; литовский: *makštis – makštis*; латышский: *maksti – maksts*. Данный семантический образ вошел также в один из тюркских языков – казахский: *қын, қынап – қынап* (ср. турецкий: *kin – dölyolu*). При разнице лексических названий в разных языковых группах (за исключением распространившегося в последнее время латинского *vagina*), отмечается устойчивое семантическое сочетание, что, вероятно, может быть связано с распространением данного образа в исторически обозримом прошлом, по крайней мере со второй половины I тысячелетия до н.э. В казахском же языке этот семантический образ появился, вероятно, как заимствование от ираноязычных предшественников.

Отголосок этих воззрений можно встретить в военных обычаях балканских славян-черногорцев. При вооруженных столкновениях одна из женщин поднималась на возвышение на позиции одной из сторон, задирала платье и, похлопывая по гениталиям, выкрикивала бранные слова, бросая вызов противнику, какому-либо конкретному лицу или всей войску в целом⁶⁸.

В полном же комплекте меч в ножнах представлял собой своеобразный аналог символу инь-янь, прокламирующего единство мужского и женского начал. Характерным в этом отношении является поэтические сравнения автора I в. до н.э. Луция Эмилия Сабина “Я хотел войти, ворваться в нее. Хотел заполнить всю ее собой, как меч ножны”⁶⁹.

Вынутый (*обнаженный*) меч и, соответственно, пустые ножны, напротив, несли угрозу, призыв к поединку, войне, предвестие смерти. Ср. поговорки: “На что и меч, коли некого сечь”, “Остер меч, да некого сечь”⁷⁰. Характерно, что по “Русской Правде” вынутый, но не задействованный меч воспринимался как оскорбление и за это полагался штраф: “Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну”. Еще большим оскорблением был удар мечом в ножнах: “Если ударить мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то 12 гривен за обиду”⁷¹.

Таким образом, в скифской среде в V-IV вв. до н.э., по всей видимости, происходит значительное переосмысление символики и культовой роли меча и его ножен.

Примечания

- ¹ Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. № 2. – Донецк, 1993. – С. 53. – Рис. 30, 1.
- ² Тереножкин А.И. Киммерийцы. – К., 1976. – С. 28–30, 35, 123–126. – Рис. 5; 9; 32; 37, 5; 49–50; 71, 4; 74, 3.
- ³ Например: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. – Вып. Д1–4. – М., 1964. – С. 60–61; Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. – М., 1980. – С. 59; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971. – С. 12; Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М., 1972. – С. 119; Кубарев В.Д. Кинжалы Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 44–52. – Рис. 3–9; Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб, 1996. – Рис. 3, 4; Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потунданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. – М., 2004. – С. 163; Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. – Уфа, 2012. – С. 69; др.
- ⁴ Хазанов А.М. Указ. соч. – С. 12; Кубарев В.Д. Указ. соч. – С. 44, 50.
- ⁵ Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. // Материалы по археологии России. – 1911. – № 31. – С. 7–8. – Табл. I; III, 1; IV, 1; Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. – К., 1980; Галанина Л.К. Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. – М., 1997. – С. 222–223. – Табл. 7–9; Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. – СПб., 2003. – С. 123, 124; Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. – СПб., 2012. – С. 80–87, 116–119.
- ⁶ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 61; Шкурко А.И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Лесостепной Скифии // СА. – 1969. – № 1. – С. 35; Черненко Е.В. Указ. соч. – С. 29; Галанина Л.К. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупей парадного меча) // СА. – 1989. – № 4. – С. 259. – Рис. 3; Галанина Л.К. Келермесские курганы. – С. 94–96.
- ⁷ См.: Шкурко А.И. Указ. соч. – С. 35; Галанина Л.К. Келермесские курганы. – С. 96, 98.
- ⁸ Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С. 77–78; Алексеев А.Ю. О скифском

- Аресе // АСГЭ. – 1980. – Вып. 21; Алексеев А.Ю. Этюд об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. – Ленинград, 1991. – С. 276–280; Алексеев А.Ю. Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия. – СПб., 2011; Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – К., 1983. – С. 45–50; Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984; Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). – СПб., 2007. – С. 133–139.
- ⁹ Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. – С. 148.
- ¹⁰ Алексеев А.Ю., О скифском Аресе. – С. 39–40; Алексеев А.Ю. Этюд об акинаках. – С. 277–278.
- ¹¹ Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в Древности. – М., 1983. – С. 55.
- ¹² Шелехань О.В. До питання про форму перехрестя клинкової зброї скіфського часу // Археологія. – 2013. – № 4. – С. 51.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 47–60.
- ¹⁵ Алексеев А.Ю. Этюд об акинаках. – С. 271–274. – Рис. 38–40.
- ¹⁶ Степанов Ю.С. Семиотика. – М., 1971. – С. 85 и след.; Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970. – С. 13 след.; Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3(7).
- ¹⁷ См., например: Мелюкова А.И. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLVIII. – С. 128.
- ¹⁸ Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния... – С. 53–55.
- ¹⁹ Бессонова С.С. О культе оружия у скифов.
- ²⁰ Березин Я.Б. Стечение обстоятельств или трагедия? (об одной любопытной детали погребального обряда) // МИА Северного Кавказа. – Армавир, 2012. – С. 51–52. – Рис. 6; 10.
- ²¹ Ставицька Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Обсценізм, евфемізм, сексуалізм. – К., 2008.
- ²² Во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э. бытовали ножны с наконечниками полуовальной или подтреугольной формы, на которых изображалась фигура свернувшегося хищника: Іллінська В.А. Курган Старша Могила – пам'ятка архаїчної

- Скифії // Археологія. – 1951. – Том 5. – Табл. III, 7; Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – Табл. 19, 2; Виноградов В.Б. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА. – 1974. – № 4. – Рис. 2; Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. – М., 1980. – Рис. 23, 1–2, 4–5; Переводчикова Е.В. О сюжетах изображений на бутелках акинаков ахеменидского времени // ВДИ. – 1983. – № 3; Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. – Том 2. – Нальчик, 1985. – Табл. 51, 20; Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII – IV вв. до н.э. – М., 2006. – Рис. 8, 2–3; др.
- ²³ См. также: Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы... – С. 148.
- ²⁴ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 61, 63.
- ²⁵ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 63.
- ²⁶ Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. – Berlin, 1928. – Taf. 23, a-b.
- ²⁷ ОАК за 1909–1910 гг. – С. 145. – Рис. 210; Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 59; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага-Ленинград, 1966. – С. 78. – Табл. 323–325.
- ²⁸ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... – Табл. 329; Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. – Leningrad: Aurora, 1986. – Pl. 219.
- ²⁹ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 63.
- ³⁰ Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье (МИА, № 150). – М., 1969. – С. 110.
- ³¹ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... – Табл. 145; Манцевич А.П. Парадный меч...; Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л., 1987. – С. 69–71. – Кат. 49; Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. – Pl. 155–156; Алексеев А.Ю. Золото скифских царей... – С. 164–165.
- ³² 400–375 гг. до н.э., по А.Ю. Алексееву (Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. – СПб., 2003. – С. 259–261, 296) или же 390–380 гг. до н.э., по С.В. Полину (Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – К., 2012. – С. 515).
- ³³ Манцевич А.П. Курган Солоха. – С. 71.
- ³⁴ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 61.

- ³⁵ Мелюкова А.И. Каменная фигура... – С. 127.
- ³⁶ Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. – Л., 1972. – Илл. 35, 39; Грiбкова Г.О. Ювелiрнi вироби з кургану № 5 бiля с. Архангельська Слобода // Эпоха раннего железа. Сб. научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. – Киев-Полтава, 2009. – Рис. 2, 3; Манцевич А.П. Курган Солоха. – С. 71; Эрлих В.Р. Новое святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. – Армавир-Москва, 2002. – Рис. 4, 13; Полидович Ю.Б. Женская и мужская сфера культуры в скифском изобразительном искусстве (сцены с участием хищников и антропоморфных персонажей) // Эпоха раннего железа. Сб. науч. трудов к 60-летию С.А. Скорого. – Киев-Полтава, 2009. – С. 315, 317.
- ³⁷ Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. – 1962. – № 115. – С. 91. – Рис. 4, 2–3; Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – С. 62.
- ³⁸ Черненко Е.В. Оружие из Толстой могилы // Скифский мир. – К., 1975. – С. 160–165. – Рис. 5; 8; Мозолевський Б.М. Товста Могила. – К., 1979. – С. 70–73. – Рис. 52–56; Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. – Pl. 150–154.
- ³⁹ Отрощенко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984.
- ⁴⁰ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2: Древности скифо-сарматские. – СПб., 1889. – Вып. 2. – Рис. 125; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... – Табл. 208–209; Алексеев А.Ю. Золото скифских царей... – С. 178–183.
- ⁴¹ Ginters W. Op. sit. – Taf. 21, f; Манцевич А.П. Парадный меч... – С. 109, рис. 5, 1.
- ⁴² Толстой И., Кондаков Н. Указ соч. – Рис. 123; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... – Табл. 183; Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. – К., 1991. – С. 103–105, 230, 234–245; Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. – Pl. 220–222; Алексеев А.Ю. Золото скифских царей... – С. 214–221.
- ⁴³ Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. – 1961. – № 1. – Рис. 11–12.
- ⁴⁴ Shcheglov A.N., Katz V.I. A Fourth-Century B.C. Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal. – 1991. – Vol. 26.
- ⁴⁵ Шилов В.П. Указ. соч. – С. 159.
- ⁴⁶ Мальмберг В.К. Воин на золотой обшивке ножен из Чертомлыцкого кургана и на вазе из Нолы // Сб. ст. в честь Д.А. Корсакова. – Казань, 1912–1913; Мальмберг В.К. Воин, защищающий павшего

товарища, на чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства // Сб. ст. в честь В.П. Бузескула. – Харьков, 1913–1914. – С. 313; Раевский Д. С. Эллинистские боги в Скифии? // ВДИ. – 1980. – № 1. – С. 58–67; Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. – С. 103–105; Нефёдкин А.К. Сцена боя на золотой обкладке ножен акинака из Чертомлыка и военная реформа Дария III: к вопросу об интерпретации изображения // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы науч. конф. – СПб., 1998. – С. 71–76; Русяева М.В. До питання про композицію та сюжет на золотих окуттях меча з Чертомлыцького кургану // Музейні читання. Мат-ли наук. конференції Музею історичних коштовностей України. – К., 1998; Власова Е.В. Накладка на ножны меча из Чертомлыцкого кургана // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре / Труды Гос. Эрмитажа. – 2012. – Вып. LXIII; др.

- ⁴⁷ См.: Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы... – С. 148.
- ⁴⁸ См.: Ксенофонт Киропедия. – Кн. 3, 23.
- ⁴⁹ Аптекарев А.З. Комплекс вещей V в. до н.э. из станицы Старокорсунской // СА. – 1986. – № 4. – С. 245–247. – Рис. 2.
- ⁵⁰ Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. (МИАР. Т. 7). М., 2006. – Рис. 7, 1.
- ⁵¹ Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.). – Грозный, 1972. – Рис. 22, 6; Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – Рис. 81, 10; Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. – Владикавказ, 2002. – С. 28. – Рис. 4, 1–3.
- ⁵² Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии (Опыт реконструкции мировосприятия). – М., 1984. – С. 176.
- ⁵³ Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2006. – Т. 3. – С. 361.
- ⁵⁴ Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – С. 61.
- ⁵⁵ Кузьмина Е.Е. Скифское искусство... – С. 61; Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. – 1976. – № 3. – С. 68–70; Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры.

- Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. – М., 1985. – С. 151–154.
- ⁵⁶ Раевский Д.С. Модель мира... – С. 190–191.
- ⁵⁷ См. подробнее: Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва... – С. 365–370; Полидович Ю.Б. Женская и мужская сфера... – С. 317–318, 321.
- ⁵⁸ Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. – С. 99–102. – Рис. 67–68.
- ⁵⁹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. – 1981. – № 3. – Рис. 3.
- ⁶⁰ Мелокова А.И. Вооружение скифов. – С. 62. – Табл. 19, 6.
- ⁶¹ Манцевич А.П. Курган Солоха. – С. 59; Алексеев А.Ю. Золото скифских царей... – С. 138–139.
- ⁶² Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган... – Рис. 594; Трейстер М.Ю. Серебряные сосуды из тайника Гаймановой Могилы // Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – К., 2012. – С. 619.
- ⁶³ Грязнов М.П., Пшеницына М.Н. Курганы IV–III вв. до н.э. на оз. Сарагаш // КСИА. – 1966. – Вып. 107. – Рис. 20, 17.
- ⁶⁴ Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. – М., 1881. – Т. 2. – С. 570.
- ⁶⁵ Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. – М., 1880. – Т. 1. – С. 216.
- ⁶⁶ Данные взяты в основном из различных электронных словарей.
- ⁶⁷ Древнеиранское обозначение ножен неизвестно: Вертієнко Г.В. Скіфська клинкова зброя та авестійське *karəta*- // Музейні читання. Матеріали наукової конференції “Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки”. – К., 2013. – С. 51.
- ⁶⁸ Толстой Н.И. Гениталии // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 1: А–Г. – М., 1995. – С. 494–495.
- ⁶⁹ Луций Эмилий Сабин Письма к Луцию (Об оружии и эросе). – СПб., 2011. – С. 48.
- ⁷⁰ Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. – М., 1881. – Т. 2. – С. 330.
- ⁷¹ Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. – М., 1953. – С. 75–76.